

**Рецензии, аннотации, отзывы**

**С.А. Экштут. Россия перед Голгофой. Эпоха великих перемен. — М.: Вече. — 2010. — 255 с.**

**С.А. Экштут. Закат империи. От порядка к хаосу. — М.: Вече. — 2012. — 313 с.**

*И.Н. СИЗЕМСКАЯ*

В двух новых книгах С.А. Экштута, автора, известного широкому кругу читателей, и профессионалам, интересующимся исследованиями по истории отечественной культуры, представлена эпоха пореформенной и предреволюционной России сквозь призму идей и идеалов общественной мысли той поры, нашедших отражение в литературе, поэзии и живописи. В первой книге речь идет о России Великих реформ — эпохе, когда произошел слом исторически сложившегося векового уклада всей русской жизни, а с ним «вывих сустава времени» (Экштут), болезненным синдромом которого является разрыв пространственно-временных, т.е. социокультурных, связей и утрата былых ценностей. Ситуация, отмечу, всегда привлекавшая внимание С.А. Экштута, а обращение к ней я бы назвала своеобразным брендом всех его многочисленных работ. Вторая книга ведет нас к 90-м годам XIX — началу XX в. В центре внимания автора столкновение новых (этических, эстетических, правовых, семейных) ценностей, провозглашенных буржуазной цивилизацией, с ценностями уходящей культуры ее Золотого века. Столкновение, спровоцировавшее, инициировавшее, ставшее первопричиной (именно в такой последовательности) той социальной катастрофы, которую теперь принято называть «Октябрь 1917 года», а Экштут назвал «Закатом империи». Ее преддверием стало послереформенное время, совпавшее для России с пробуждением для капиталистической модернизации, а по иронии истории (судьбы?) — с восхождением на Голгофу. Таким образом, обе книги связывают одна сквозная идея и общий метод исследования; в определенном смысле это две части одной отечественной эпопеи — движения российской империи к своему трагическому концу.

Обращаясь в своем анализе к проявлениям общественного сознания, фиксируемых литературой и поэзией того времени, Экштут мастерски, как он умеет это делать, реконструируя образы литературных и лирических героев, дает читателю *ключ* к объяснению рожденной историческим временем связи системы культурных ценностей, укоренившихся в общественном сознании и ставших фактором (мотивом) социального поведения с социальными трансформациями, происходящими в гражданском обществе, хозяйственной жизни, правовых нормах, межличностном общении. Тем самым автор открывает завесу над действием *социально-культурных механизмов*, посредством которых осуществляется влияние общественного (для него интеллигентского) сознания *на ход истории, а параллельно этому включение человека в исторический процесс.*

Реализация такого подхода позволила решить одну из задач современного гуманитарного знания — преодолеть *«полосу отчуждения»* не только между историей, как сферой научного знания и литературой, поэзией как частью духовной культуры (ее герои и образы в авторском анализе оказались способными ответить на многие «почему», задаваемые историками), но между историей, литературой и философией. Именно с этим последним фактом я связываю в первую очередь научную значимость книг **«Россия перед Голгофой. Эпоха Великих перемен»** и **«Закат империи. От порядка к хаосу»**. Возможно, в этом сказываются мои профессиональные предпочтения, но, к сожалению, каждый прочитывает прежде всего то, что ему ближе и понятнее.

В этой связи хочу внести некоторое уточнение в содержание очень важного для понимания методологии авторского анализа исторических реалий термина «полоса отчуждения», введенного в научный оборот и содержательно раскрытого Экштутом еще раньше — в **«Очерках интеллектуальной истории»**, объединенных общим изданием **«Битвы за храм Мнемозины»** (СПб., 2003). В них автор детально анализирует истоки, причины появления «полосы отчуждения» между историей и литературой, пути ее преодоления<sup>1</sup> и приходит к бесспорному выводу, что факт отчуждения есть вызов, брошенный познающим человеческим духом самому себе, а потому его преодоление есть задача и компетенция в равной степени и истории, и литературы. Это так. Но именно здесь я и хочу внести уточнение в интерпретацию проблемы, принимая во внимание, что речь идет об отечественной общественной мысли.

Дело в том, что в ее контексте сближение истории и литературы с самого начала осуществлялось в процессе поиска общего для всего гуманитарного знания объединяющего (методологического) познавательного принципа.

Вспомним творческие изыскания Любомудров Д.В. Веневитинова, В.Ф. Одоевского, И.В. Киреевского, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова, первыми не просто осознавшими проблему как познавательную задачу, но сделавшими ее предметом философской рефлексии, вспомним А.И. Герцена, Н.К. Леонтьева, Вл. Соловьева, продемонстрировавших своим творчеством как (какими художественными и мыслительными способами, средствами) она может быть решена. Два измерения духовной жизни — понятийный и образный — они все воспринимали как ее *атрибутивные свойства*, дающие во взаимодополняющем единстве то удивительное переплетение, которому культура обязана своим появлением и существованием. Творчество, какую бы форму оно ни принимало, наверное, за исключением точных (очень точных!) наук<sup>2</sup>, не может быть жестко привязано к какому-то одному жанру, стилю — это противоречит его природе. Названные мыслители свои попытки на сближение истории и литературы предпринимали *на пути поиска их контактов с философией*. Не случайно этот период совпал со временем утверждения в качестве самостоятельной области знания философии истории.

Примечательно в этой связи признание историка Н.В. Станкевича: «Я занимаюсь историей, но она для меня привлекательна как огромная

задача философская», а последнюю он понимал как единую задачу исторического, социального, психологического, этического *познания истории*. Такой же позиции придерживался историк Т.Н. Грановский: «Ни одна наука, — убеждал он, — не подвергается в такой степени влиянию господствующей философской системы, как История. Влияние это часто обнаруживается против воли самих историков, упорно отстаивающих мнимую самостоятельность своей науки»<sup>3</sup>. Этой же идее следовал и П.Я. Чаадаев в своих «Философических письмах» (кстати сказать, классически литературными по форме), убеждая, что подлинное знание истории предполагает «философскую точку зрения». Поэтому вопреки установившемуся мнению, что XIX в. был для отечественной культуры литературо-центристским, думаю, с не меньшим основанием его можно называть и философско-центристским. Я имею в виду не преобладание философии над всеми другими видами духовного творчества, а ее *значимость* (объективную и в оценке образованной части общества), а также степень влияния через ее ценностные смыслы и символы на духовную жизнь людей. И это совсем не противоречит тому общеизвестному факту, что, русская литература, в свою очередь, стала адекватной формой трансляции философских идей, что она постоянно была обращена к тем вопросам, которыми бредила русская интеллигенция, зараженная бациллой философствования к постоянному «исповеданию духовной жизни» (Франк).

Таким образом, можно сказать, что изначально и позже мысли о сближении истории с литературой (и поэзией) «подпитывались» идеей связи всего гуманитарного знания с философией. Почему утвердилось именно *такое* видение проблемы — отдельный вопрос. Замечу лишь, что ответ на него следует искать как в особенностях отечественной общественной мысли, которая, по справедливой оценке В.В. Зеньковского, всегда была «сплошь историософична» (т.е. была занята поисками смысла Бытия), так и в особенностях русского способа философствования, покоившегося на разнообразии жанров, подходов и плюрализме идей. Поэтому и для историков, и для представителей художественного творчества, и для философов задача преодоления «полосы отчуждения» мыслилась решаемой усилиями всех субъектов культуры, но признанным «поводырем» на этом пути мыслилась все-таки философия.

Я нахожу, что рецензируемые книги С.А. Экштута — это удачная реализация эвристических возможностей именно такого подхода, заданного исходной посылкой — рассмотреть исторические события через призму общественного сознания, вобравшего в себя идеи, смыслы, символы, идеалы, на которых покоилась отечественная культура исследуемого этапа российской истории.

Искать причины развала российской империи — дело неблагодарное, потому что трудно учесть, назвать, объяснять все обстоятельства, вызвавшие и сделавшие неотвратимым Октябрь 1917 года. И где, в какой сфере жизни общества и людей их искать? В состоянии экономики страны, в кризисе, который испытывала духовная культура (Золотой век позади, Серебряный, толком не начавшись, уступил место новому культурному

всплеску, но не очень и не всем понятному), в политической ситуации внутри страны, в сложных раскладах сил между странами Европы, в начавшейся мировой войне, ход которой тоже требует своего объяснения, в обнищании крестьянства, в пауперизации городского населения, в выявившейся слабости военной машины, в импотенции власти? Причин столько, что, кажется, все назвать невозможно, а главное, их трудно выстроить по «иерархическому регламенту», да и вообще в каком-либо порядке.

С.А. Экштут, повторяю слова классика, пошел своим путем. Им был задан *угол зрения на ситуацию*, и все встало на свои места (а что на время и просто ушло из кадра), все причины и следствия, обстоятельства и сопутствующие события, мотивы поведения масс и политических лидеров стали *понятны*, потому что нашлось общее объясняющее основание. Им стало видение ситуации через призму состояния общественного сознания. Нельзя сказать, что такой подход был авторским открытием: в истории отечественной общественной мысли он повторялся не раз<sup>4</sup>, что, в общем-то, объяснимо, если вспомнить, о той ее особенности, о которой говорилось выше, а главное, о том, что литература в ее структуре всегда занимала место фокуса, «в котором собирается бесконечное количество лучей, *преломленных жизнью* (курсив мой. — И. С.)»<sup>5</sup>. Что же стало понятно? На мой взгляд, то, что безусловно следует отнести к числу главных факторов исторического процесса, но что в анализе рассматриваемого исторического периода до сих пор по каким-то неведомым причинам не находило адекватного места, а главное, не учитывалось с такой исследовательской честностью.

Как убедительно показано исследованием Экштута, русское образованное общество вплоть до 1917 г. принципиально отказывалось признавать и принимать буржуазные ценности, а главная из них — идея личного обогащения не только не находила поддержки в среде интеллигенции, но и вообще не воспринималась в качестве легитимной. Это объясняется во многом тем простым фактом, что образованные люди, как это ни покажется на первый взгляд странным, попросту не были включены в экономическую жизнь страны. Субъектом модернизационных процессов был купец-промышленник, купец-фабрикант, купец-владелец капитала («толстосум»). Поэтому интеллигенция, даже разночинная, выросшая на романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» катастрофически не хотела понимать, что ценности дворянской культуры могут (и должны быть) вытеснены ценностями этого неотесанного, недавно битого розгами мужика. Поэтому к началу 80-х годов XIX в. торжество буржуазных отношений в России начало стремительно опережать процесс осмысления этих новых реалий.

Но чем стремительнее это происходило, тем тверже на своих позициях стояло интеллигентское сознание, которое, даже став крайне неоднородным и по социальному положению его носителей, и по политическим убеждениям последних, еще с большим упорством отторгало последние как «Царство Ваала». Трагизм ситуации состоял в том, что по логике новых реалий интеллигентский разум должен был либо отступить и при-

знать, что его идеалы — «не от мира сего», либо решиться на самоличное их уничтожение. Ни того, ни другого русский образованный человек в своем подавляющем большинстве сделать не мог, — ведь в таком случае он перестал бы воспринимать себя русским интеллигентом, и это было бы равносильно суициду. Экштут, обратившись к литературе этого периода (70 — 90-е гг.), предприняв *социально-психологический анализ* внутренних монологов, диалогов, поступков героев А.Ф. Писемского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, лирического героя С.Я. Надсона, прекрасно раскрыл не просто трагизм ситуации, а и ее *апокалипсический вектор*, точно просчитав те социальные последствия, перед которыми, как перед пропастью, оказалась страна накануне Октября 1917 г.

Конечно, не следует думать, что в анализ не были включены факты иного отношения к происходящим событиям, ведь жизнь знала массу примеров индивидуального и кооперативного успеха, при этом достигавшегося без большого ущерба для гуманистических идеалов и ценностей. В этом отношении интересны прекрасно написанные с привлечением мало известного, а когда и просто забытого, исторического материала, с неожиданными выводами самого автора, разделы о художниках-передвижниках и «мир-искуссниках», творческой группе, организовавшей вокруг издаваемого С. Дягилевым на средства промышленника и железнодорожного предпринимателя С.И. Мамонтова (подготовка издания и выход первого номера) и княгини М.К. Тенишевой журнала «Мир искусства», равного которому не было среди отечественных художественных журналов. Если первые интересны для нас тем, что дали пример возможности и целесообразности работы в художественном мире *артели* как хозяйственной единицы, включенной в стихию рыночных отношений, то вторые интересны примером согласия нарождающейся буржуазии на финансовую поддержку искусства и в целом на *диалог* с ним. В этой связи следует вспомнить о третьей книге С.А. Экштута, внутренне связанной с рецензируемыми, а именно — **«Шайка передвижников. История одного творческого союза»** (М., 2008). Автор, оставаясь на выбранных методологических позициях, сумел через анализ творческой и организационной деятельности художественной артели, вошедшей в историю отечественной культуры, представить в живых лицах целую эпоху российской истории. Это не всякому удастся.

После знакомства с книгами С.А. Экштута нельзя не согласиться с ним, что именно «неприятие буржуазных ценностей и личной ответственности, которое в течение нескольких поколений демонстрировало русское образованное общество, привело к тому, что русский интеллигент легко воспринял идею всепроникающего вмешательства государства во все сферы жизни общества — от снабжения населения продовольствием и топливом до государственного диктата в сфере культуры»<sup>6</sup>. Иными словами, русский интеллигент *растерялся перед лицом Октября*, должным образом и во время не отреагировав на очевидную угрозу с его стороны самому факту существования интеллигенции. За что жестоко и поплатился и за что многими был обвинен в случившемся. Ну, последнее — тоже традиционная черта русской общественной мысли: кто всегда виноват в первую очередь? Правильно. Жаль, что автор тоже во

многим (и чаще всего справедливо) согласен с таким обвинением. А мне русского интеллигента бывает жалко во всех ситуациях, даже когда он очевидно виноват. Все-таки он хороший — на ком бы без него держалась замечательная русская культура с ее безоглядным гуманизмом и бесполезная при любых формах модернизации и революционных ситуациях философия?

Я бы добавила еще одну особенность, говоря об авторе рецензируемых книг: он заставляет читателя не просто понять анализируемые факты, но *ощутить* свою включенность в историю, а порой личную причастность даже к тому, что, казалось, «быльем поросло». Очень немногим, пишущим об истории, удастся достичь этого, и, уж совсем немногим удастся при этом остаться на уровне историософского анализа, а это немало стоит.

Обе книги снабжены хорошим научным аппаратом, фундированным Примечанием, содержат большую массу нового информативного материала, написаны отличным литературным языком. Бесспорно, они не залежатся на полках книжных магазинов, будут встречены с интересом всеми, кому дорога память о Прошлом своей страны и для кого история отечественной культуры — это его Настоящее.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Экиштут С.* Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории. — СПб., 2003. См.: Очерк первый «История и литература» (С. 7 – 85), очерк второй «Битвы за Храм Мнемозины» (С. 85 – 141), очерк шестой «Пространство интеллектуальной истории» (С. 263– 296).

<sup>2</sup> Хотя М.В. Ломоносов без ущерба для глубины взглядов на вселенную мог сказать в стихотворной форме то, что становилось и понятно, и зримо, и захватывающе интересно: «Открылась Бездна, звезд полна / Звездам нет счета, бездне дна...»

<sup>3</sup> *Грановский Т.Н.* Соч. Т. 1. — М., 1856. — С. 21.

<sup>4</sup> Можно вспомнить исследование Иванова-Разумника «История общественной мысли», в котором прослеживается развитие русской интеллигенции (и других общественных групп) на фоне исторического движения общественных воззрений, определявших господствующее мировоззрение в каждое историческое время и фиксировавшихся в литературном творчестве. Можно вспомнить и работу А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России», в которой исторические периоды российской истории непосредственно связываются (в их истоках и причинах) с этапами развития отечественной общественной мысли.

<sup>5</sup> *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. — Т. 1 – 2. — 4-е изд. — СПб., 1914. — С. 13. Объясняя этот факт, Иванов-Разумник писал: «Мысль, знание, убеждение, догмат никогда не остаются у нас в состоянии теории и абстракции, не стремятся заточить себя в академический монастырь или же спрятаться в шкафу ученого, среди ядов; напротив, не достигнув зрелости, они бросаются с чрезмерной стремительностью в практическую жизнь, желая допрыгнуть, со связанными ногами, от прихожей до конца арены» (Там же. Т. 2. — С. 672).

<sup>6</sup> *Экиштут С.* Закат империи. От порядка к хаосу. — С. 280.